

АНАЛИЗ ПРАВОВОГО РЕГУЛИРОВАНИЯ ЭКОНОМИЧЕСКИХ ПРАВ ЧЕЛОВЕКА И ГРАЖДАНИНА В РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ И В ЗАРУБЕЖНЫХ СТРАНАХ

Денисов Денис Денисович

студент

Волгоградский государственный университет, г. Волгоград

Аннотация. В статье раскрывается сущность и содержание основных экономических прав и свобод человека и гражданина, особенностей их в Российской Федерации и зарубежных странах.

Экономические права, как термин получил распространение в странах Европы. Закрепление данных прав нашло отражение в международных документах о правах человека – Европейской социалистической хартии (1965), Международном пакте об экономических, социальных и культурных правах (1966) и иные документы.

Осуществления оформления экономических прав в различных странах шел теми путями, в зависимости от той концепции свободы, которой придерживается страна. Либо это либеральная концепция свободы, предполагающая минимальное участие государства в социальном вспомоществовании, исключая юридически зафиксированные в конституции социальные обязательства государства перед гражданином, либо концепция социально ориентированной свободы.

Конституция Российской Федерации демонстрирует либеральный подход к организации государственной власти, регламентации принципов рыночной экономики положения личности в обществе и государстве. В то же время она закрепляет нормативно-правовую модель социально ориентированной свободы. В ст. 7 Россия провозглашается социальным государством, политика которого направлена на создание условий, обеспечивающих достойную жизнь и свободное развитие человека. В ней перечисляются основные обязанности Российской Федерации как социального государства (охранять труд и здоровье людей, устанавливать гарантированный минимальный размер оплаты труда, обеспечивать государственную поддержку определенных категорий граждан, развивать систему социальных служб ит.д.).

Данная норма соответствует международным стандартам. В соответствии с Конвенцией МОТ «Об основных целях и нормах социальной политики» при решении социальных проблем главную роль должно играть государство, обязанное «принимать все меры для обеспечения такого жизненного уровня, включая пищу, одежду, жилище, медицинское обслуживание и социальное обеспечение, а также образование, которые необходимы для поддержания здоровья

и благосостояния человека».

Справедливости ради следует отметить, что термин «социальное государство» отсутствовал во всех прежних российских конституциях. Однако в Конституцию РСФСР 1978 г. была включена гл. 3 «Социальное развитие и культура», где конкретно перечислялись цели социального развития. Через государственный бюджет, в котором концентрировались 90 % отчислений от налогов и прибылей государственных предприятий и организаций, происходило финансирование расходов на эти цели. Сегодня же социальное государство, в понимании либералов, – это, в лучшем случае, государство социальных услуг, социального партнерства, главное назначение которого – сглаживать социальные конфликты, провозглашать равенство возможностей для всех членов общества, поэтому любые попытки изменить соотношение в пользу социальной функции именно государства, но не иных общественных институтов, вызывают острое противодействие.

С точки зрения теории правовой гарантированности сам факт закрепления в учредительном акте подобной нормы должен гарантировать ее реальное существование в общественной жизни. При этом следует отметить, что гарантированы могут быть лишь реальные нормы, которые правильно отражают объективные закономерности общественного развития, соответствуют обстоятельствам времени и места, согласуются с системой права. И если норма права неправильно отражает закономерности общественного развития, никакие гарантии не смогут обеспечить ее эффективность, так как общество и государство не в состоянии гарантировать нормы, искажающие их природу. Эту проблему в своих исследованиях затрагивал И.В. Мухачев. Он отмечал, что «регламентированная статьей 7 Конституции Российской Федерации система социальной защиты может эффективно функционировать только в стране с развитой системой рыночных отношений, а не стоящей на пороге их создания. Получается, что авторы Конституции совместили в одном законе несоединимое: модель рыночных отношений либерального, то есть переходного государства с механизмом социальной защиты развитого демократического государства. А ведь на этой норме Конституции выстраивается целая система иных нормативно-правовых актов»¹.

С другой стороны, сами гарантии должны быть реальными. Юридические гарантии правовых норм оказываются не работающими не только в случае, если норма является нереальной, но если сами гарантии иллюзорны, т. е. сориентированы не на реальность, а на некую идеальную модель. Данный тезис можно продемонстрировать на ряде примеров.

Размеры государственных пособий, устанавливаемых нормативно- правовыми актами, чрезвычайно низки и выплачиваются, как правило, в одинаковом размере для всех имеющих на них право. Практически во всех случаях они не могут обеспечить собой средств к физическому существо- ванию, не говоря уже о создании условий для свободного развития человека.

Статьи 37–44, регламентирующие социально-экономические права граждан, направлены на создание действенного механизма реализации принципа социального государства. Кроме того, еще совсем недавно массив нормативно-правовых актов в социальной сфере был настолько велик, что у правоприменителя возникали серьезные проблемы согласования этих актов и обеспечения соответствия их норм Конституции Российской Федерации и федеральному законодательству. В юридической литературе неоднократно высказывалось мнение о необходимости создания Социального кодекса. Однако законодатель предупредил этот «трудоемкий процесс», приняв печально знаменитый Закон № 122 (о «монетизации льгот»). Принятием этого нормативно-правового акта правительство, по сути дела, полностью сняло с себя ответственность за государственную социальную

Однако среди ученых-конституционалистов есть такие, которые придерживаются иной точки зрения. Так, М.В. Баглай полагает, что в Российской Федерации «экономические, социальные и культурные права являются не столько юридическими нормативами, сколько стандартом, к которому должно стремиться государство в своей политике»². Кроме того, он проводит различие по юридической обязательности для государства соблюдение государственных норм внутри этой группы. Например, право частной собственности является бесспорным, а право на отдых или социальное обеспечение представляет собой «субъективное право, конкретное содержание которого вытекает из действующего отраслевого законодательства».

Социально ориентированная концепция свободы предусмотрена в конституциях и некоторых других государств. Ярким примером является Конституция Федеративной Республики Бразилия (1988). Раздел VIII «О социальном порядке» включает в себя 8 глав, а глава II «О социальных правах» содержит их довольно обширный перечень, в том числе право на социальное обеспечение. Для большинства современных зарубежных конституций традиционен подход, в рамках которого природа социального государства определяется посредством категорий справедливости, равенства (ст. 1 Конституции Испании), национальной солидарности (ст. 2 Конституции Турецкой Республики), гуманизма и т. п.

Во многих конституциях зарубежных государств повышение роли социально-экономических прав уже давно сопровождается расширением форм конституционного регулирования отношений собственности. Так, в Конституции ФРГ записано: «Собственность обязывает. Пользование ею должно одновременно служить на благо общества». Конституция Японии провозглашает, что «право собственности определяется законом в соответствии с интересами общественного благосостояния». В итальянской Конституции содержится следующая формулировка: «Частная собственность признается и гарантируется Законом, который определяет способы ее приобретения, пользование ею и границы ее действия с целью

обеспечить ее социальную функцию и сделать ее доступной для всех».

Прямо противоположный подход демонстрирует конституционное законодательство США. Это государство никогда не позиционировало себя в качестве социального. Верховный суд ограничился признанием социально-экономических прав в качестве позитивных, т. е. следующих из действующего законодательства. Они не признавались в качестве основных, конституционных. Имела место инкорпорация социально-экономических прав в систему действующего законодательства, но не было конституционной легитимации этих прав, т.е. признание их в качестве фундаментальных. И только в середине 30-х гг. XX в. «имел место знаменательный поворот от неприемлемости социального законодательства к позиции его “разумности” и “обоснованности” конституционными принципами». Это позволило признать социально-экономическое законодательство конкретной Конституции.

В некоторых зарубежных странах (прежде всего европейских) наблюдается ужесточение социальной политики. По-видимому, это связано с серьезными экономическими проблемами в зоне ЕС (увеличение пенсионного возраста во Франции, резкое сокращение рабочих мест на государственных предприятиях в Греции, сокращение накопительной части пенсии работников на некоторых крупнейших предприятиях в Великобритании и т. д.).

Таким образом, закрепление в Конституции Российской Федерации принципа социальной государственности, не соответствующего сложившейся системе общественных отношений и связей, не может положительно повлиять на социальную исполнимость и создание эффективного механизма реализации экономических прав и свобод граждан.